БОГИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

МИХАИЛ СЕРЯКОВ

РАДИГОСТ И СВАРОГ

СЛАВЯНСКИЕ БОГИ

Боги древних славян

Михаил Серяков

Радигост и Сварог. Славянские боги

«Алисторус»

2013

Серяков М. Л.

Радигост и Сварог. Славянские боги / М. Л. Серяков — «Алисторус», 2013 — (Боги древних славян)

Сварог – творец славянского мира, покровитель и учитель древних славян – не только участвовал во всех событиях земной жизни наших далеких предков, но был связан и с их переходом в загробный мир. Как огненную дорогу в небесные чертоги к своему богу воспринимали славяне сожжение на костре умерших.Часть книги автор посвятил загадочному богу балтийских славян, сыну Сварога, Радигосту-Сварожичу, чей мистический образ тесно связан с такими легендарными атрибутами, как грифон и секира. Радигост особенно почитался на южном побережье Балтики, где в древности жили славяне и откуда пришли легендарные варяги.Исследование Михаила Серякова будет интересно всем любителям славянской древности.

© Серяков М. Л., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Вступление 6
Глава 1 9
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Михаил Серяков
Радигост и Сварог. Славянские боги

© Серяков М. Л., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Культ Сварога зародился еще во времена индоевропейской общности, и почитание его было свойственно всем трем основным группам славянства. Наиболее древний пласт связанных с ним представлений относится к восприятию Сварога как бога неба. Генетически родственные ему Уран и Варуна, бывшие богами неба в греческой и индийской мифологиях, относятся к первому, самому раннему поколению богов, что позволяет говорить о соответствующей тенденции в индоевропейской традиции. Это подтверждается и тем, что в отечественной мифологии бог неба мыслился отцом Дажьбога-Солнца. Автор сохранившегося в тексте Ипатьевской летописи под 1114 г. славянского перевода хроники Иоанна Малалы, приписывавшей этому богу правление Египтом, пишет об этом так: «За все за это назвали его египтяне Сварогом и почитали как бога. И потом царствовал сын его, именем Солнце, его же называют Дажьбог…» Поскольку из того, что Сварог был богом неба, вытекают многие другие его черты, именно этот образ данного божества следует признать исходным и с точки зрения внутренней логики развития всей системы связанных с ним представлений в славянском язычестве. К эпохе каменного века следует отнести возникновение у индоевропейцев мифа о браке Неба и Земли, который фиксируется этнографией у самых разных народов, в том числе и еще не освоивших земледелие.

Возникновение собственно славянской, а точнее говоря, праславянской специфики Сварога по сравнению с другими индоевропейскими божествами неба началось с того, что упавший с небес огонь начал восприниматься нашими далекими предками как его второй сын – Сварожич. С освоением огня первобытный человек обрел еще одно чрезвычайно важное свойство, окончательно выделившее его из животного мира, а Сварог за счет установления мифологическим сознанием этого отношения родства окончательно обрел характер бога человеческой культуры. Как видно уже из данных языка, Сварог изначально оказался связан не только с огнем, но и с вареной пищей, которая, в противоположность пище сырой, стала одним из наиболее значимых показателей перехода человеческого общества от дикости к культуре. Вслед за введением в обиход человечества вареной на огне пищи возникает исторически самое первое пищевое табу на сырое мясо. Для приготовления вареной на огне пищи была необходима посуда, которая в условиях той эпохи могла быть изготовлена только из глины. Соответственно, возникает и образ бога-горшечника, введшего в обиход человеческого общества этот новый элемент культуры. Древний бог неба начинает постепенно приобретать черты бога-ремесленника, создателя человеческой культуры. Многочисленные исследования первобытного общества показывают, что вторым после пищевого табу было табу сексуальное. Если первый запрет был призван предотвратить повторное скатывание человека на уровень зверя, поедающего сырое мясо и в своей крайней стадии доходящего до каннибализма, то второй запрет вводился для предотвращения распада самого общества из-за ничем не ограниченного полового общения и звериной борьбы самцов друг с другом за обладание самками. Следуя логике мифологического сознания, сексуальное табу было бы наиболее естественно ввести от имени бога неба, чей брак с богиней земли являлся архетипом и образцом для подражания. Славянский переводчик Иоанна Малалы по этому поводу констатирует: «Тот же Феост закон установил женам выходить за одного мужа и хранить ему верность, а прелюбодеек велел казнить. Поэтому его и прозвали богом Сварогом. До этого жены блудили с кем хотели и были как скот блудящие. Когда рождался ребенок, (женщина) говорила тому, кто ей был люб: «Это твое дитя». Феост этот порядок уничтожил и велел одному мужу иметь одну жену, а того, кто преступал этот закон, ввергал в огненную печь. За все за это назвали его египтяне Сварогом и почитали как бога».

Овладение искусством обработки металлов знаменовало собой окончательный переход от дикости к цивилизации и открывало путь к стремительному техническому, а вслед за ним экономическому и социальному развитию общества. Из каменного века человечество сразу шагнуло в век металлов, сначала меди, а в конечном итоге и железа, что повлекло за собой коренное изменение привычного уклада, причем не только в материальной сфере, но и в духовной. Еще до того, как человек научился добывать руду из земли, он использовал упавший с неба металл, а необходимую температуру для его обработки первоначально давал гончарный горн. Логика материально-мифологических соответствий и преемственность развития ремесел предопределила то обстоятельство, что праславянский бог неба превращается в бога-кузнеца. Уже упоминавшийся выше автор славянского перевода хроники Иоанна Малалы рисует этот процесс следующим образом: «Когда Феост (древнегреческий Гефест, с которым славянский переводчик отождествляет Сварога. – *М.С.*) правил в Египте, при нем с небес упали клещи, и (люди) начали ковать оружие, а прежде бились палицами и камнями». С достаточно большой долей уверенности мы можем предположить, что на достаточно длительный период начиная с эпохи энеолита и вплоть до раннего железного века бог-кузнец был если не центральной, то, во всяком случае, одной из основных фигур мифологического пантеона у отдельных индоевропейских народов. В традиции многих народов бог-кузнец оказывается творцом Вселенной, выковывая из металла Небо и Землю, в Индии Брахманаспати выковал даже богов, в осетинском фольклоре божественный кузнец закаляет в своем горне героев, у других народов – является покровителем их инициации. Фигура бога-кузнеца была настолько важна для наших предков, что, когда под влиянием христианства на Руси искореняется культ Сварога, многие его черты, связанные в первую очередь с кузнечным делом, переходят на святых новой религии Кузьму и Демьяна. Хотя, согласно их житию, Косма и Дамиан были врачами-бессребрениками и никакого отношения к искусству обработки металлов не имели, в восточнославянском фольклоре они преимущественно фигурируют как кузнецы, достаточно часто сливаясь даже в одно лицо, Кузьму-Демьяна, которого иногда даже отдельные тексты неожиданно называют богом. Все эти черты красноречиво свидетельствуют о том, что на новых христианских святых народным сознанием были перенесены многие черты языческого бога-кузнеца, в том числе иногда и даже его божественный статус – явное святотатство с точки зрения новой религии.

Кузнечное дело наряду с земледелием и развитием торговли стало одной из экономических причин перехода общества от матриархата к патриархату. Этот переход от одних господствовавших религиозных и общественных представлений к другим сопровождался чрезвычайно серьезным духовным кризисом, произошедшим еще в рамках индоевропейского единства. Этот духовный кризис снял многие ограничения, налагаемые обществом на своих членов, в результате чего звериное начало, находящееся в недрах человеческого существа, но прежде связанное общественными запретами, стало вырываться наружу, грозя поглотить собственно человека и все общество в целом. В эпоху распада индоевропейской общности этот процесс был осмыслен нашими далекими предками в виде мифа о принявшей облик гигантской свиньи матери змеев, гонящейся за главным героем и его спутниками. Сам человек оказался не в силах справиться с рвущимся изнутри его подсознания скотским началом, однако и в этот миг, решавший всю его последующую судьбу, на помощь людям пришло божественное сверхсознание, выраженное в мифе в облике бога-кузнеца, олицетворявшего собой процесс развития собственно человеческой культуры в противовес звериной дикости. Не имея возможности уничтожить звериное начало без уничтожения самого человека, Сварог перековал гигантскую свинью в кобылу и подчинил ее герою. В ожесточенной борьбе бог неба выиграл схватку за человеческую душу, предупредив повторное сползание людей в бездну исключительно животных инстинктов. Возникнув исторически в период победы патриархата над матриархатом, миф этот несет в себе непреходящую ценность, описывая вечную истину о борьбе в нашей душе человеческого и звериного начал. Победа Сварога имеет непреходящее значение,

поскольку именно она заложила прочную основу последующего духовного развития наших далеких предков и сформировала душу нашего народа. Последующее ее развитие было проанализировано мною в книге «Дажьбог – прародитель славян», в которой подробно рассматривался неразрывно связанный с образом сына Сварога солнечный миф о происхождении наших далеких предков. Однако все эти черты, как бы ни были они важны сами по себе, далеко не исчерпывают все многообразие фигуры бога – творца человеческой культуры. Именно о других чертах Сварога и связанных с ним представлениях и пойдет речь в данной книге.

Глава 1
Бог – покровитель свадьбы

Как уже отмечалось, изначально Сварог был богом неба и в этом качестве в русских народных заклятьях фигурирует в качестве супруга Матери-Земли: «Ты, Небо, – отец, ты, Земля, – мать!» (Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 3, М., 1869, с. 779). Крестьяне ласково называли небо отцом, батюшкой, а землю – кормилицей и матушкой. Стоит отметить, что русские заговоры оканчивались следующей формулой, придающей им максимальную силу в глазах произносивших их людей: «Земля – замок, небо – ключ» (Щапов А.П. Сочинения, т.1, СПб., 1906, с.88); «Небо – ключ, земля – замок; тому ключу наружному» (Виноградов В. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. 1, СПб., 1908, с. 7). Показательно, что формула «Ключ – небо, замок – земля» (Майков Л. Великорусские заклинания, СПб., 1869, с.16) замыкает именно любовный заговор, в котором фигурирует бескузнец Салчак. В различных заговорах ключ был неразрывно связан с самым верхом, с божественным началом. Так, заговор на оберег скота заканчивался просьбой: «…И отдайте ключ в седмое небо, самому Исусу Христу, Богу, на златый престол, на злату мизу» (там же, с.56). При этом следует иметь в виду, что формула ключа и замка не только «запирала» заговор, но и несла в себе эротический подтекст. Так, в сказке «Заколдованная королевна» героиня, поняв, что в шапке-невидимке вернулся ее муж, решила с помощью загадки избавиться от постылых женихов: «…Стала она своим гостям загадку загадывать: «Была у меня шкатулочка самодельная с золотым ключом; я тот ключ потеряла и найти не чаяла, а теперь тот ключ сам нашелся. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду». Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна: «Покажись, мой милый друг!» Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные. «Вот вам и разгадка! – сказала прекрасная королевна. – Самодельная шкатулочка – это я, а золотой ключик – это мой верный муж». Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать» (Бой на калиновом мосту, Л., 1985, с.108). Восприятие Неба как всеобщего оплодотворяющего начала, а дождя – как мужского семени, которое оно изливает на свою супругу Землю, оставило свой яркий след в индоевропейских языках. Еще в XIX веке А.Н. Афанасьев выстроил такую филологическую цепочку: лат. pluo – «дождить», укр. «плютка» – «ненастье», чеш. pluta – «потоки дождя», ст. – слав. «плоть» – «мужское семя». С тех пор список расширился: «Кроме того, небо представлялось древним в виде мужского начала, оплодотворяющего землю (фаллическая символика неба). Ср. ирл. speir «небо», англ. – диал. perry «ливень», но лат. sperma «семя»; хет. samu «небо», но лат. semen «семя»; валл. wybr «небо», но др. – англ. wip «женщина» + и.-е. ar– «мужчина» (андрогин); греч.ουρανος «небо», но осет. waryn «рожать» + хет. uen «coire», лат. caelum «небо», но др. – англ. haelep «мужчина» (вторая часть этого др. – англ. слова соответствует др. – русск. «удъ» – penis; относительно первой части ср. валл. caill – testiculum) (Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов, М., 1996, с.229). К этому ряду тот же автор относит хет. ark– coire, но ирл. Erc «небо», и, что особенно интересно для нас в свете имени древнерусского божества, др. – инд. Svargah – «небо», но ирл. Serch – «половая любовь». Подобно женщине, Земля становилась беременной от своего небесного супруга, и это также нашло свое отражение в славянских поверьях и ритуалах.

Миф о браке Неба-Отца с Матерью-Землею, в результате чего появились на свет люди, существовал уже в эпоху индоевропейской общности, о чем красноречиво свидетельствуют не только приведенные выше данные сравнительного языкознания, но и мифологические тек-

сты. Так, на древнегреческих золотых пластинах следующим образом описывалась посмертная судьба человеческой души в соответствии с орфическими представлениями:

Слева от дома Аида ты найдешь источник,
Рядом с ним стоит белый кипарис.
К этому источнику даже близко не подходи.
Найдешь и другой: из озера Мнемосины
Текущую холодную воду, перед ним – стражи.
Скажи: «Я дитя Земли и звездного Неба,
Но род мой – небесный, об этом вы знаете и сами.
Я иссохла от жажды и погибаю – так дайте же мне скорей
Холодной воды, текущей из озера Мнемосины».
И они дадут тебе пить из божественного источника,
И тогда ты станешь царствовать (вместе с) д(ругими) героями.

(Фрагменты ранних греческих философов, ч.1, М., 1989, с.44)

На другой пластине речь умершей души звучит чуть иначе:

Ты же объяви им (стражам. – *М.С.*) всю правду.
Скажи: «Я сын Земли и звездного неба,
По имени Астерий («Звездный»). Я иссох от жажды.
Дайте же мне
Пить из источника».

(Там же, с.45)

Как видим, умерший, чтобы получить священную воду и воцариться в загробном мире вместе с другими героями, должен был провозгласить свое происхождение от Земли и звездного, т. е. ночного, Неба, причем во второй пластине он и сам именуется Звездным. Все это заставляет нас вспомнить связь и Сварога со звездами в славянской мифологии. На эту связь красноречиво указывает древнечешская рукопись Mater verborum, где слова zuor, svor переводятся словом «зодиак» (Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848, с.50). В Архангельской губернии варажей называли всякое созвездие, яркую кучу звезд (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.1, М., 1999, с.164), что говорит о том, что и на Руси звездное небо было этимологически связано со Сварогом. Весьма показательно и название божественного источника: Мнемосина у греков была дочерью Неба-Урана и Геи, сестрой Фемиды, с которой она вместе упоминается у Гесиода, и богиней памяти. Следовательно, только та душа, которая не забыла, что род ее – небесный, могла испить из этого божественного источника и присоединиться к героям в ином мире. Как нельзя лучше этот фрагмент орфической мифологии демонстрирует огромное значение знания своей истинной родословной для любого человека. Память о своем небесном происхождении была бережно сохранена и другими индоевропейскими народами. Так, ведийский риши в одном из своих гимнов (РВ 1, 164, 33) гордо провозглашал:

Небо – отец мой, родитель. Там (мой) пуп.
Родня моя, мать – эта великая земля.
Внутри (этих) двух простертых чаш – (мое) лоно.
Здесь отец вложил зародыш дочери.

Этот языческий культ неба, восходящий своими корнями к общеиндоевропейскому наследству, возрождается у стригольников – первых русских еретиков XIV века. Обличая их уклонение от христианства по этому вопросу, митрополит Фотий писал: «…Стриголници, отпадающеи от Бога и на небо взирающе беху, тамо отце собе наричают, а понеже бо самых того истинных еуаггельскых благовестей и преданий апостольскых и отеческых не верующе, но како смеют, от земли к въздуху зряще, бога отце собе нарицающе?» (Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия, М., 1993, с. 93). Негодование церковного иерарха весьма понятно – через столько веков после христианизации на Руси нашлись люди, которые посмели открыто отвергнуть библейские мифы и вернуться к языческой родословной, называя небо своим отцом и богом. Стоит отметить, что у стригольников присутствовал и культ земли, которой они исповедовались, заменяя этим исповедь официальному православному духовенству. Естественно, что церковь безжалостно уничтожила людей, пытавшихся остаться верными учению предков.

Соответственно, совершив в качестве бога неба первый половой акт с Матерью-Землей и образовав с ней первую в мире брачную пару, Сварог уже в силу одного этого должен был считаться покровителем союза между мужчиной и женщиной. Данное представление также нашло свое отражение в данных языках. Так, В.И. Даль отмечал, что слово «сварить» (кого с кем) в русском языке означало «помирить», «сдружить», «сделать товарищами» и, что весьма показательно в свете нашего исследования, «свести и обвенчать», «сладить свадьбу». Более того: в Новгородской губернии вместо «свадьба» и «свадебный» традиционно говорили «сварьба» и «сваребный». То, что это не случайное искажение произношения этих слов, говорит и нижнесорбское swarba – свадьба. Этот же корень фиксируется и на Рюгене, в еще одной земле поморских славян: «В ранском уложении 1530 г. встречается также слово czwor, т. е. общее имение супругов, и составитель уложения, М. Норман, сам называет это слово славянским, т. е. «свор» (чеш.) или «свора» (польск.) – связь, союз, пара» (Первольф И. Германизация балтийских славян, СПб., 1876, с. 209). Все эти примеры указывают нам на то, что значение свары, ссоры в корне имени изучаемого нами бога было, по всей видимости, явлением вторичным и первоначально этот корень означал согласие и единение, что гораздо лучше согласуется с характером Сварога как бога человеческой культуры.

Следует отметить, что данный корень связывался с браком также в эпоху индоевропейской общности. С русским глаголом «сварить» в контексте свадьбы перекликается и имя скандинавской богини Вар, точно так же связанной со свадебным ритуалом. Она упоминается достаточно редко, и одним из таких мест является «Песня о Трюме» в «Старшей Эдде». Буквально имя богини Вар означает «договор», и вместе с молотом она призвана скреплять брачный союз:

Сказал тогда Трюм,
Етунов конунг:
«Скорей принесите молот сюда!
На колени невесте
Мьелльнир кладите!
Пусть Вар десница
Союз осенит!»

(Беовульф. Старшая Эдда.
Песнь о нибелунгах, М., 1975, с. 238)

В Индии, на противоположном конце индоевропейского мира, мы также встречаем мифологического персонажа, имеющего в своем имени корень «свар-», что вновь указывает на его существование еще во время индоевропейского единства. В сороковом гимне «У ман-

далы» из «Ригведы», собрания священных гимнов индийских ариев, созданного в XI столетии до н. э., рассказывается миф об Атри, спасшем Солнце-Сурью, проглоченное Сварбхану:

5. Когда, о Сурья, тебя Сварбхану
Из Асуров повредил мраком,
Словно сбитый с толку (человек), не узнающий места,
Озирались все существа.

6. В то время, о Индра, когда ты с неба разгромил
Крутящиеся колдовские чары Сварбхану,
Атри нашел с помощью четвертого заклинания
Солнце, скрытое незаконным мраком.

(Сурья)
7. «Меня, такого (как я есть), принадлежащего тебе, о Атри,
Не должен проглотить он, введенный в заблуждение завистью
(или) страхом!
Ты друг, чье расположение истинно.
Вы двое, (ты и) царь Варуна, помогите мне здесь!»

8. Брахман Атри, запрягающий давильные камни,
Почитающий богов скромными поклонениями (и) стремящийся
повлиять (на них).
Установил на небе глаз солнца,
Спрятал колдовские чары Сварбхану.

9. Тот самый Сурья, которого Сварбхану
Из Асуров повредил мраком, —
Его снова нашли люди из семьи Атри:
Ведь другие не смогли (этого сделать)!

*(Здесь и далее ссылки на «Ригведу» даются по изданию: Ригведа. Мандалы I–IV, М., 1989;
Ригведа. Мандалы V–VIII, М., 1995; Ригведа.
Мандалы IX – X, М., 1999).*

Понятно, что в основе этого мифа лежит воспоминание о реальном солнечном затмении, которое было воспринято древними ариями (как и многими другими народами) как проглатывание дневного светила каким-то чудовищем. Традиционно все исследователи воспринимали Сварбхану в этом мифе как некоего злокозненного демона, названного к тому же в этом гимне асуром. Однако асурами в «Ригведе» называется старшее поколение богов, часть из которых, как, например, Варуна, перешли на сторону нового поколения богов и вошли в состав индийского пантеона, а часть – противостоят ему и воспринимаются, как правило, в негативном аспекте. Однозначно считать Сварбхану демоном не позволяет и его имя, которое буквально означает «обладающий солнечным светом» и принадлежит, скорее, положительному персонажу. Примирить это противоречие позволяет гипотеза С. Джемисон, согласно которой имя Сварбхану является эпитетом ведийского бога огня Агни в его грозном аспекте, который от имени богов наказывает бога солнца Сурью за инцест с собственной дочерью Ушас, пронзив и скрыв его мраком (Jamison S.W. The Ravenous Hyenas and the Wounded Sun. Myth and Ritual in Ancient India, Ithaca and London, 1991). Данная версия подкрепляется тем, что

женой ведийского бога солнца является Шакти, родная дочь Сварбхану, известная также под именем Прабха (буквально «свет», «сияние»). Наказание неверного небесного супруга встречается нам в литовском и латышском фольклоре: там разгневанный громовержец Перкунас разрубает мечом месяц, изменяющий своей жене-солнцу с утренней зарей, от чего и происходит регулярное убывание ночного светила. Мы видим, что мотив наказания небесных светил за неверность восходит своими корнями к эпохе индоевропейской общности, а Сварбхану в таком контексте превращается из злокозненного демона в тестя бога солнца. Вне зависимости от интерпретации ведийского гимна, в нем присутствует сюжетная связь между Сварбхану и Солнцем, что соотносится с тем, что Сварог был отцом Солнца-Дажьбога в славянском мифе, а если теория С. Джемисон верна, то мы можем констатировать, что представление об установлении Сварогом сексуальных табу, о которых уже говорилось во вступлении, может быть отнесено к эпохе индоевропейской общности. Кроме того, отождествление Сварбхану с богом огня Агни заставляет нас вспомнить и огонь-Сварожича древнерусских поучений против язычества, что косвенно подкрепляет теорию С. Джемисон.

Возвращаясь к отечественной традиции, отметим, что совершивший в качестве бога неба первый половой акт с Матерью-Землей и образовавший с ней первую в мире брачную пару, Сварог уже в силу одного этого должен был считаться покровителем союза между мужчиной и женщиной. Небо (или замещающие его элементы типа дождя или снега) подобно мужчине покрывает Землю, и этот образ глубоко запечатлелся в народном сознании. После принятия христианства он по созвучию названий был приурочен к празднику Покрова св. Богородицы, который в данном эротическом контексте иногда воспринимался как мужское начало: «Батюшка Покров, покрой сыру землю и меня молоду (голова покроется платком – символом замужества)». То, что первоначально здесь имелся в виду отнюдь не платок, указывает другое, более древнее заклинание-молитва. Желавшие выйти замуж девушки, переступая в день Покрова порог церкви, просили: «Мати Пресвятая Богородица, покрой землю снежком, а меня женишком». Поскольку к этому христианскому празднику приурочивались свадьбы, то возникли поговорки типа «Придет Покров, девке голову покроет» или приметы «Если снег землю покрывает на Покров – счастливое предзнаменование для обрученных». Именно к небу в поисках мужа обращается женщина в галицкой песне:

Хожу, нуджу, ручки ламлю,
Вздыхаю до неба,
С тяжким жалем промавляю:
«Мужа мени треба».

(Фаминцын А.С. Божества древних славян, СПб., 1995, с. 152)

Впоследствии в индоевропейской мифологии появляется образ другой небесной пары – Солнца и Месяца – однако практически во всех традициях исконным и потому наиболее значимым считался первый брак Земли и Неба.

Данный параллелизм между небесным и земным браками нашел свое наиболее яркое выражение в празднике – славянской Масленице. По мнению исследователей, данный праздник первоначально знаменовал собой встречу весны с одновременными проводами зимы. Масленица была единственным крупным языческим торжеством, которое не было приурочено к праздникам новой религии и не было ею истолковано в своем духе. Тем не менее, введение христианства не прошло для нее бесследно: из-за Великого поста она было перенесена на более раннее, зимнее время, в силу чего от нее отделились обряды, связанные со встречей весны, которые стали отмечать как самостоятельный праздник, и, по всей видимости, из нее постепенно исчезли отдельные части. В том виде, в каком она дошла до XIX в., Масленица включала в себя следующие основные элементы: проводы-похороны Масленицы, закан-

чивавшиеся зачастую сжиганием женского чучела; непременное катание с гор и на лошадях, другие обычаи, связанные с молодоженами; поминовение усопших родителей; праздничная трапеза с обязательными блинами. О связи блинов с культом предков уже говорилось выше, и поэтому достаточно привести мнение В.К. Соколовой применительно к этому празднику: «Поминовение усопших являлось одним из элементов масленичного комплекса. Следы весеннего культа предков прослеживаются в масленичной обрядности разных местностей. Суббота перед Масленицей отмечалась как родительская. В Калужской обл. в этот день начинали печь блины. В некоторых деревнях первый блин клали на божницу – «родителям»…» (Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века, М., 1979, с. 48). К их же культу Д.К. Зеленин относит обычай массового зажигания костров в этот праздник: «Костры, которые жгут на Масленицу, причем всегда из соломы и старых вещей, также могут быть связаны с культом предков. Разведение костров в последний день Масленицы, т. е. в воскресенье перед началом Великого поста, обычно называется «жечь Масленицу»; однако это могло служить и приглашением умерших предков к обильному ужину накануне поста, тем более что существует обычай перед постом не убирать со стола в ожидании покойников. Такие же костры, которые кое-где разводят уже в начале масленичной недели, доказывают, что дело здесь совсем не в «прощании с Масленицей» (Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография, М., 1991, с. 406). Стоит отметить, что широко распространенное сжигание женского чучела, которое лишь у западных славян сохранило свое древнее название богини мрака и смерти Мажаны, или Маржаны, непосредственно связано с ритуалом трупосожжения, который, как и культ предков, имеет прямое отношение к богу неба. Как уже говорилось в первой главе, в этом качестве Сварог соотносился с горами, катание с которых являлось важным элементом масленичной обрядности: «Во время катаний (и вообще на Масленице) обычай допускал более свободные отношения между молодыми людьми: «На этих катаньях, происходящих часто ночью, позволяется молодцам быть свободными и в словах, и в поступках». Видимо, обряду катания молодежи с гор первоначально придавалось такое же значение, как и катанию молодоженов, – способствовать урожаю и плодородию. Более свободные отношения в это время между полами, возможно, являлись отдаленным, сильно редуцированным воспоминанием о прежних весенних брачных союзах.

Катанию с гор первоначально придавалось магическое значение. Это можно видеть и в сохранившемся кое-где еще в начале XX века пережитке – «кататься на долгий лен». Так, в Кубенском у. Вологодской губ. с гор катались и замужние женщины. Делалось это не только ради развлечения. Считалось, что если скатишься удачно, то и лен будет хорошим. В Шенкурском у. «в «чистый» понедельник девки, прежде стоя, с горы катались, чтобы лен вырос мягкий». Ради хорошего урожая льна катались с гор и на донцах от прялок; такой же обычай был зафиксирован и у белорусов». (Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века, М., 1979, с. 43–44). Связь плодородия почвы и, в частности, урожая льна с имитацией брака Неба и Земли, в том числе путем ритуального катания по земле, была подробно показана в пятой главе, и нет надобности повторять приводившиеся там данные. Все это показывает, что каждый брачный союз воспринимался архаичным сознанием как постоянное повторение и отражение в малом акта миротворения, в результате чего должно было родиться как новое потомство в семье, так и урожай в поле. Как отмечает В.К. Соколова, в мифологическом сознании между человеческим и земным плодородием существовала тесная взаимная связь: «Молодые, недавно поженившиеся пары, по древним воззрениям, должны были магически способствовать плодородию и одновременно сами, участвуя в обряде, получали как бы новые силы, укрепляли семью, обеспечивали потомство. Особенно явственно магия плодородия выступает в катании молодых с горы, в наваливании на них присутствовавших на гулянии, зарывании их в снег и т. п.» (Соколова В.К. Масленица // Славянский и балканский фольклор, М., 1978, с. 63). Поскольку гора являлась символом бога Неба,

супруга Матери-Земли, то в силу созвучия весенние браки в массовом порядке совершались на так называемую Красную горку (приуроченную к воскресенью после христианской Пасхи). И. Снегирев, видный отечественный этнограф XIX в., так описывал современное ему положение дел: «По общему употреблению и по отношению к поверьям древнего быта народного Красные горки издревле должны быть местами игрищ, какими начинается красная весна – пора брачных союзов. Доселе во многих селениях Тульской и других губерний горки или пригорки, на кои сбираются поселяне весною, слывут красными горками» (Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 3, М., 1838, с. 26). В этот же день в большинстве мест происходил и обряд встречи весны, первоначально, как полагают исследователи, входивший в состав масленичной обрядности. Записанное этнографами в XIX в. заклинание весны и грядущего урожая у украинцев и белорусов разительно напоминает нам приводившееся выше моление о хлебе славян-язычников, описанное арабскими авторами тысячу лет назад:

Благослови, боже,
Зимы замыкаци,
Весну выкликаци,
Дай же нам, боже,
Жита и пшаницы,
Зяленой травицы.
Дай же нам, боже,
На хлеб-жито род,
А на статок плод,
На людзей здороуе.

В.К. Соловьева так комментирует это заклинание: «Это видоизмененное под влиянием христианства древнее весеннее заклинание: вместо непосредственного обращения к весне (или каким-то божествам, олицетворявшим силы природы) идет обращение к богу, но смысл и функция песни от этого не изменились. Можно думать, что песни-заклинания были наиболее древними, исконным типом веснянок» (Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века, М., 1979, с. 80). С учетом всего сказанного выше, можно предположить, что первоначально эта песня обращалась к Сварогу, в ведении которого находилось плодородие как земли, так и людей. Стоит отметить, что связанная с ним символика встречается нам и в других обрядах, посвященных встрече весны: «В Клинцовском районе Брянской обл. при заклинании весны 25 марта использовали хлеб и огонь. Все собирались на мосту, разжигали костер, и девушки прыгали через него. Пожилые женщины исполняли обряд серьезно – бросали в реку специально испеченные пироги и пели, что провожают зиму и встречают весну. (…) Об интересном обряде, встречавшемся у украинцев Черниговской губ., сообщал Б.Д. Гринченко: когда начиналась весна, варили горшок каши, выносили его на улицу и закапывали в землю, сверху прибивали колом. В этом обычае прослеживается жертвоприношение земле» (там же, с. 75). Если костер на мосту напоминает нам о мосте через огненную реку, встречавшуюся нам в сказках, то последнее жертвоприношение заставляет нас вспомнить о связи Сварога с вареной пищей и о том, что в христианское время именно Кузьму-Демьяна специально называли «кашниками». Отнюдь не случайным представляется факт, что жертва Матери-Земле состояла из предметов, связанных с ее супругом, – горшка каши и кола. Возвращаясь к Масленице, отметим в ней еще один изученный выше элемент – избыток обильной, жирной и масляной пищи, от которой этот праздник, собственно, и получил свое современное название. Вне всякого сомнения, это изобилие пищи имело обрядовый характер и должно было обеспечить изобилие плодов и скота в наступающем году. Вместе с тем обильная еда на Масленицу является отголоском изобильного вселенского пира с участием богов и умерших

предков, связь которого со Сварогом будет рассмотрена ниже. С навязыванием христианства этот изначальный смысл масленичного пира теряется и обрядовое обильное потребление пищи в общественном сознании начинает восприниматься как необходимость как следует наесться перед наступающим Великим постом. В первой книге о Свароге уже отмечалось, что «сниженным» его образом был овинник, с которым также была связана брачная семантика. В.И. Даль приводит следующее народное поверье по этому поводу: «Девка кладет ночью руку в овинное окно: коли никто не тронет, в девках сидеть; голой рукой погладит – за бедным быть; мохнатою – за богатым».

Касаясь семейно-брачных отношений, отметим, что помимо ритуального катания с гор с культом Сварога связан приуроченный все к той же Масленице ритуал «столбов». Суть его состояла в том, что одетые в свои лучшие костюмы молодые вставали рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и целовались по требованию окружающих. В Рязанской губернии молодые вставали не на улице, а в воротах и также целовались. Возможно, что первоначально этот обряд имел более эротический характер, более соответствовавший фаллической символике столба, и лишь в более поздние времена стал демонстрировать окружающим любовь и согласие между молодоженами. Поскольку по своему предназначению целый ряд масленичных обрядов были призваны пробудить плодородие Матери-Земли после зимней ночи, весьма вероятно, что изначально к этому празднику было приурочено ритуальное сексуальное общение молодежи, воспроизводящее первый союз Неба и Земли, впоследствии переосмысленное как период заключения весенних браков. Очевидно, в силу этого в отдельных местах Закарпатской Украины, где Масленица к моменту этнографических наблюдений уже не была значительным праздником, ее называли «блудный тыждень», из чего можно сделать вывод о том, что первоначально связанные с магией плодородия обряды занимали на Масленице более значительное место по сравнению с описанными в XIX – XX вв. С брачным ритуалом соотносились в той или иной форме многие элементы, имевшие прямое отношение к культу Сварога. Связь звезд с предстоящим заключением брака видна из следующего поверья: «В какой стороне в святки звезда упадет, с той стороны жених» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, М., 1999, с. 673). Связанный, как было показано в предыдущей главе, с богом неба напиток тоже имел самое непосредственное отношение к браку, дав название первому месяцу совместной жизни молодых супругов – медовому месяцу. Помимо меда, бог-кузнец имел самое прямое отношение к хлебу, что также отразилось в свадебном ритуале: «Обрядовое употребление хлебных зерен в особенности распространено на свадьбах всех славянских, более того, всех индоевропейских народов. Это настолько важный акт свадебного ритуала, что без него ни великоруссы, ни малороссы не совершают брачного пиршества…» (Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях, Харьков, 1885, с. 28). Наконец, сама беременность называлась в народе горкою (Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып.3, М., 1838, с. 27), что отсылает нас к культу гор как частному проявлению культа Сварога, бывшего одновременно и богом – покровителем брака.

Однако уже в первобытную эпоху со Сварогом стало связываться не только воспроизведение на человеческом уровне первого брачного союза Неба и Земли, но и первые сексуальные запреты. Об этом свидетельствуют как рассмотренный выше ведийский миф о Сварбхану-Агни, покаравшем бога солнца за инцест с собственной дочерью, так и мотив «отяжеления» героя после недозволенного полового общения, выявляемого путем божьего суда с помощью огненной ямы в русских сказках. Так, в сказке «Иван Быкович» главный герой терпит поражение от неназванного демонического старика, который отправляет героя добывать ему невесту. Когда Иван Быкович справляется с этим заданием и вместе с царевной возвращается к старику, тот придумывает для него такое неожиданное испытание: «Пришли к старику. Нажег он яму уголья горячих, положил через яму жердь. Приказывает Ивану Быковичу через жердь перейти. «Ты шел с невестой дорогой, может, блуд сотворил; пройди через яму, тогда я

тебя виной прощу». – «Нет, дедушко, ты сам попереди пойди, меня поучи». Старик через яму побежал, Иван Быкович жердь повернул, старик в яму в уголье и пал. Сожгли старика» (Бой на калиновом мосту, Л., 1985, с. 214). Угроза сожжения в этой сказке прямо связана с темой супружеской неверности, однако в основе своей она имеет не обычай сожжения прелюбодеев, которого на Руси не было (восточные источники, которые будут рассмотрены ниже, отмечают, что у славян прелюбодеев рассекали на части), а веру в очищающую силу огня, способного обличать любую неправду. Генетически родственный сюжет встречается нам в белорусской сказке «Искорка Парубок Девичий сын», где герой добывает царю невесту. «Пріижжаить к етуму царю, а етый царь окружив свой дом и пыкопав канавы и напалив огнем большим. Потом и говорить: а што Искорка Парубок, – жив ты зь естой девицыю, покуль довев сюды? – Не, каеть, ня жив. Ну, коли ня жив – положив сухую былинку – дык пярейдиш чириз былину, а коли жив, дык и ни пярейдиш! А девица узила, ды й дротину уткнула у былину, и ен ни заметив. Ен и пиряйшов. Искорка Парубок сказуить: а ты, царь, ездив на моей лошади? – Не, ня ездив. – Ну, коли ня ездив – пиряйди ты по етой былини. И пярейдишь, коли ня ездив. Ен узяв и пошов – надеитца, што ня ездив. Только уступив сиряди канавы, а девица ету дротину сморьг к сабе – былина пуполам, а ен у канаву и упав. А Искорка Парубок зь естой девицый и зьвинчались, и поехали у свое царство» (Романов Е.Р. Белорусский сборник, вып. 6, Витебск, 1901, с. 262). В белорусской сказке это испытание распространяется на соблюдение не только сексуальных, но и имущественных отношений, что является уже дальнейшим логическим развитием данного ритуала. Поскольку сюжет с испытанием путем перехода через огненную яму встречается нам дважды и оба раза вместе с сюжетом перековывания змеи в кобылу, неразрывно связанным со Сварогом, как это было показано в первой книге о данном боге, то можно констатировать, что и обряд определения невиновности путем перехода через огненный ров точно так же связан с богом-кузнецом.

Отзвуки этого, возможно, повлияли на то, что в славянском переводе хроники Иоанна Малалы именно Сварогу приписывалось пресечение женского блуда и ввергание прелюбодеев «в пещь огнену». Естественно, утверждение о том, что этот бог ввел единобрачие, было поздней вставкой летописца, не подтверждаемой другими данными, и является пересказом другой книги Иоанна Малалы, где он описал схожее нововведение афинского царя Кекропса. Как собственные, так и иноземные письменные источники дружно отмечают многоженство у язычников-славян, искорененное впоследствии лишь христианской церковью. Хоть наличие устойчивых брачных пар встречается даже в животном мире и вполне могло существовать с древнейших времен и у людей, нет никакого основания приписывать Сварогу введение института единобрачия. Вместе с тем, сексуальные табу хронологически являются вторыми после пищевых, и, судя по всему, первичные половые запреты, в частности запрет инцеста, появляются уже в первобытную эпоху и вполне могли быть освящены у наших далеких предков авторитетом бога неба. Поскольку часть черт Сварога перешла впоследствии не только на христианских святых Кузьму-Демьяна, но и на святого Касьяна, стоит отметить, что одноименный с последним персонаж является инициатором введения имущественного и полового табу в былине «Сорок калик со каликою». В ней рассказывается, как собравшиеся посетить святые места в Иерусалиме выбрали своим предводителем Касьяна Михайлыча. Перед тем как пуститься в дальний путь, тот кладет на своих спутников «заповедь великую»:

А в том-та ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женский блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле

И копать по плечи во сыру землю.

Дальнейшие события в былине разворачиваются по широко известному «бродячему» сюжету: по приходу в Киев в предводителя паломников влюбляется жена Владимира княгиня Апраксевна. Когда Касьян отказывается прийти к ней на свидание, она велит Алеше Поповичу подложить ему в сумку серебряную чарочку, а затем обвинить в воровстве. При виде найденной чары калики поверили обвинению и закопали Касьяна по плечи в чистом поле, после чего отправились дальше в Палестину. Возвращаясь домой тем же путем, они приходят к закопанному в поле атаману. При виде их:

Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда,
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,
Не могут зреть добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкие до самого пояса.
И стоял Касьян немало число,
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.

По приходу в Киев калик вновь принимают в княжеском дворце, и там они узнают от Владимира, что его жена все эти полгода лежала больная. После того как княгиня покаялась в клевете, ее исцеляет предводитель паломников:

Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну,
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградил ее святой рукой:
Прощает ее плоть женскую:
Захотелось ей – и пострадала она,
Лежала в страму полгода.

(Былины, Л., 1984, с.322, 327,328)

Хоть данный сюжет сложился уже на христианской почве, тем не менее отдельные моменты в него вполне могли попасть из языческой эпохи.

Стоит отметить, что со Сварогом мог быть связан полугодовой период. Праздник заменивших его в христианский период Кузьмы-Демьяна отмечался 1 ноября, однако в ряде змееборческих легенд в качестве божьих ковалей фигурируют не они, а первые русские святые Борис и Глеб. День Бориса и Глеба празднуется 2 мая, причем этот христианский праздник, как показал Б.А. Рыбаков на основе расшифровки календаря на сосуде IV века, заменил собой какой-то языческий праздник: «Начало календарного счета на нижнем поясе ромашковского кувшина – 2 мая – точно совпадает с русским церковным праздником Бориса и Глеба («Борисдень»). Обстоятельства установления этого памятного дня и некоторые детали борисоглебовской иконографии позволяют думать, что и в данном случае перед нами не простое совпадение чисел, а такая же замена языческого христианским.

День 2 мая не связан с днем смерти ни одного из братьев; он установлен в столетнюю годовщину их смерти… День перенесения мощей – 2 мая, ставший первым собственно рус-

ским церковным праздником, не мог быть случайным, так как вся церемония его установления была обдуманным актом нескольких соперничающих князей (Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи). В дальнейшем с именами Бориса и Глеба соединилось много поговорок, связывающих этот день с разными аграрными приметами (…).

В том, что праздник 2 мая (близкий к общеевропейскому празднику весны) есть праздник всходов, молодых ростков, убеждает еще одна деталь: на древних изображениях Бориса и Глеба XII – XIII вв. (на золотых колтах, на серебряных монистах) рядом с погрудным рисунком князя обязательно присутствует схематичный рисунок «крина», идеограмма молодого ростка.

Думаю, что Владимир Мономах, учреждая наперекор греческой церкви первый русский национальный праздник, сознательно отошел от всех реальных дат и выбрал один из тех дней, на которые приходился какой-то древний народный праздник, праздник только что пробившихся на свет ростков яровых посевов» (Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси, М., 1988, с. 186–187). Необходимо также вспомнить, что рассказ о канонизации Бориса и Глеба непосредственно граничит в Ипатьевской летописи с пересказом мифа о Феосте-Свароге (последний помещен в ней автором под 1114 г., а канонизация состоялась в 1115 г.). То, что в русском народном православном календаре дни Бориса и Глеба (2 мая) и Кузьмы-Демьяна (1 ноября) делят год почти на две равные половины, является прямой аналогией с кельтским календарем, в котором год делился на две части, начало которых знаменовали два главных праздника – Самайн (1 ноября) и Бельтан (1 мая). Предшествующие этим двум дням ночи считались кельтами временем, когда различные магические силы наиболее активны, когда открывалась дверь между земным и потусторонним миром и происходила встреча людей как с душами умерших (в Уэльсе в эту ночь специально оставляли пищу для покойных родственников), так и с другими сверхъестественными персонажами. Как отмечает Н.С. Широкова, все значительные и эпические события в кельтских преданиях происходят как раз во время дня начала зимы: «Это случалось в ночь Самайна (с 31 октября на 1 ноября), так как эта ночь, находясь на стыке старого и нового года кельтов, выполняла посредническую функцию между человеческим миром и божественным космосом» (Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности, СПб., 2000, с. 189).

Интересно отметить, что на Руси связанный с именем бога корень в более поздний период прилагался солеварами к определению значимого для них промежутка времени. Летние месяцы с момента начала до окончания годичных работ по выварке соли назывались ими варничным годом, варей или заваром. Стоит вспомнить и то, что у балканских славян 1 мая считалось самым магическим днем в году. Связь этих двух дат мы видим и в русской легенде «О Ное праведном». Сделав ковчег за два года, Ной говорит интересующейся, чем же он занимался все это время, жене: «Вот осталось полгода до первого мая; в мае месяце, в первом числе, будет потоп» (Афанасьев А.Н. Народные русские легенды, М., 1998, с. 20). Поскольку строительство ковчега было завершено за полгода до потопа, он должен был быть построен Ноем 1 ноября.

Учитывая устойчивую связь обоих дат в кельтском и славянском календарях, можно предположить, что это деление года восточнославянской традицией также связывалось со Сварогом. Однако в былине именно полгода Касьян проводит закопанным в землю. Последняя деталь также могла быть навеяна представлениями о подземном нахождении бога-кузнеца. Хоть Касьян и не был в Иерусалиме, он уже изначально обладает и святым духом, и святой рукой, благодаря чему он и может исцелить Апраксевну. В свете этого мы можем предположить, что и мотив введения запрета на ложь, воровство и прелюбодейство в этой былине также может восходить к языческому периоду. В пользу этого говорит и то, что в белорусской сказке «Искорка Парубок» мотив испытания переходом через огненную яму используется не только в связи с определением, имели ли место половые отношения, но и для установления того, пользовался ли царь чужим имуществом, в данном случае конем. В свете того, что именно с дея-

тельностью кузнеца народное сознание связывало возникновение самого понятия богатства, нет ничего невозможного в том, что с богом-кузнецом был связан исторически третий запрет – имущественный, призванный охранять возникающую в обществе частную собственность.

Бог неба вполне мог рассматриваться людьми как архетип супруга, и доказательство этого для эпохи, когда он приобрел уже черты бога-кузнеца, приводит на славянском материале уже А.А. Потебня: «Но как бог, кующий плуг – символ брака, так и кующий плуг первоначально сам тождествен с женихом. На это указывают следующие стихи серб. песни:

Злату те се куюнджия нати,
И мени те мой суденик доти,

где кузнец – символ суженого». (Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. 1. Рождественские обряды // ЧОИДР, 1865, кн. 2, апрель – июнь, с. 15) Стоит отметить, что с браком Сварог был связан в своих ипостасях не только бога неба или бога-кузнеца, но и бога-горшечника. Об этом свидетельствует записанное в с. Вышевичи Житомирской области поверье, согласно которому встреча с горшечником сулит девушке скорое замужество: «Як диучына зостренэ горшчана, – це добрэ, потому што ей трэба збирацця на свое хозяйство – купить горшки». Впрочем, это было уже достаточно поздним осмыслением. Более раннюю форму этих представлений, непосредственно связанную с магическим ритуалом, приводит А.Л. Топорсков: «По нашим наблюдениям, в д. Рудне (Гомельск. обл., Чечерский район) девушки крали у горшечника посуду и били ее: «Погоршник еде, деука украде горшок. Украдут тады деуки, горшки бьют. А для чяго вже? Наверно, штоб замуж вышла в этом году» (…). «Як у каляды (святки) погоршчик еде, деуки стерегуть. Яны должны горшок украсть, побить. А то замуж никто не будет брать. Шоб не сидели деуки как горшки. Бегають тадысь табуном деуки, шоб горшок украсть» (Топорков А.Л. Гончарство: мифология и ремесло // Фолькор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов, Л., 1984, с. 45–46). Весьма примечательно, что данная обрядовая кража горшков происходила на фоне поверий, категорически запрещавших красть у горшечника под угрозой возмездия в загробной жизни, приведенных выше. Напомним некоторые из них: «Ну, красты у горшчана горшка нэ можно, бо як умрэш, да на тым свети трэба кроз тэй горшчок пролэзты»; «Горшка красть – великий грех. Встретишь на том свете горшечника, протянешь ему горшок и будешь просить: «Возьми горшок!». А горшчай кажэ: «Грызи сама его замес хлеба!» Причины пренебрежения столь грозным запретом следует видеть в том, что в русской традиции гончарная посуда в первую очередь ассоциировалась именно с женщиной (вспомним в связи с этим и греческий миф о сотворении Гефестом из глины именно женщины), в результате чего магические манипуляции с горшками напрямую влияли на девичью судьбу: «В пословицах горшки и прочая полая утварь – «бабьи» метафоры: «Баба что горшок: что ни влей – все кипит». Карельская загадка: «Бока черны, / В середине красно, / Само вкусно» (горшок и масло в нем) – указывает на эту символику вполне недвусмысленно. Она же в обычае бить на свадьбе горшки и миски, желая молодой родить столько же детей, сколько черепков. Не желая рожать, жена прятала пустой горшок в чулан, где бы никто его не тронул. Говорили, что плевать в сосуд с водою – «все равно что матери в глаза». Посуду обязательно полагалось покрывать – «хоть лучинкою», – иначе, по поверьям, туда вселится нечистая сила. Ср.: обычай жене всегда покрывать голову – «хоть ремох какой наложи», – иначе увяжется леший или другая нежить» (Щепанская Т.Б. Сила: коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии // Мужской сборник, вып. 1, М., 2001, с. 83). Об этом же свидетельствует и поговорка «Девка не без жениха, горшок не без покрышки», недвусмысленно указывающая на ассоциацию потенциальной невесты с горшком в сексуально-семейной сфере. Символизм продукции гончарного ремесла применительно к брачному обряду наиболее явственно прослеживается в одном украинском ритуале:

«В некоторых местах Малороссии хранился еще обычай, что молодой после первой брачной ночи разбивал палкой на дворе горшок каши, а дружко добивал его. Это означало торжество супруга над невинностию молодой» (Терещенко А.В. Быт русского народа, ч. 2, СПб., 1848, с. 32). Замужняя женщина все равно продолжала ассоциироваться с этой утварью, как можно увидеть из народных поговорок: «Жена не горшок, не расшибешь» или «Не столько муж мешком, сколько жена горшком» в смысле сбережения, обеспечения достатка в доме. Происхождение этой мифо-магической аналогии становится понятно из мифа о браке Неба и Земли: из земли брали глину для изготовления горшков, которые к тому же были пустые внутри, и в силу этого они неизбежно ассоциировались с женским началом.

Однако наивысший расцвет представлений о Свароге как покровителе свадьбы приходится на период, когда с изобретением кузнечного дела он превращается в бога – покровителя этого ремесла. Уже сам кузнечный молот у многих народов недвусмысленно ассоциируется с мужским половым органом и в качестве такового становится символом плодородия. Подобное отождествление является всемирным явлением, не ограничиваясь рамками одного индоевропейского ареала: «Кузнец из почитаемого клана у центральноафриканского племени чагга считал, что от молота может зачать женщина. Передавая его своей жене, он восклицал: «Бери молот и подними его! А когда я вернусь из кузницы, ты зачнешь от него… Роди сына, который кует молотом, как твой муж и господин!» Поклонялись и наковальне, на которой приносили самые ответственные и страшные клятвы». (Черных Е.Н. Металл-человек-время, М., 1972, с. 196) Это же обстоятельство объясняет обязательное присутствие молота, который клали на колени невесте, во время скандинавского свадебного ритуала, описанного в «Старшей Эдде». Если обратиться к одному из древнерусских названий молота, «кый» или «куй», то одно изменение первой буквы превращало это слово в нецензурное название фаллоса. В свете кузнечной символики следует вспомнить, что одним из значений слова «ковать» было «самец разных животных», а «котлом» называлась залежка кабанов, а это животное, как мы увидим в последней главе, было одним из сексуальных символов еще с индоевропейских времен.

В этом качестве кузнец, в ряде случаев безымянный, становится одним из центральных образов любовных заговоров: «На море на океане, на острове на Буяне стоят три кузницы, куют кузнецы там на трех станах. Не куйте вы, кузнецы, железа белого, а прикуйте ко мне молодца (или: красну девицу); не жгите вы, кузнецы, дров ореховых, а сожгите его ретивое сердце…» (Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, т.1, М., 1865, с. 464).

Поскольку древний языческий бог в той части, в которой его черты не перешли на христианских святых, с принятием новой религии считался бесом, становится понятным тот вариант этого же заговора, где безымянных кузнецов заменяет бес Салчак: «На море на Окияне, на острове на Буяне стоят три кузницы. Куют кузнецы на четырех станах. Бес Салчак, не куй белаго железа, а прикуй доброго молодца, кожей, телом, сердцем. Не сожги орехового дерева, а сожги ретиво сердце в добром молодце…» (Майков Л. Великорусские заклинания, СПб, 1869, с. 16). Именно в этом же заговоре, как было подчеркнуто во второй главе, фигурирует и эротическая символика ключа и замка, соотносимых с Небом и Землей, которая могла появиться лишь после изобретения кузнечного дела. Стоит отметить, что даже когда в заговорах фигурируют безымянные кузнецы, там иногда все равно встречаются специфичные атрибуты бога Сварога, в частности столб: «Стану я, раб Божий (имярек), пойду из дверей во двери, из дверей в ворота, в востошную сторону, на Окиан море; на том море стоит остров, на том острове стоит столб, на этом столбу сидят семьдесят семь братьев; они куют стрелы булатные день и ночь; скажу я им тихонько: «Дайте мне, семьдесят семь братьев, стрелу, которая всех пыльчее и легчее». Стрелю этою стрелою в рабу Божью, девицу (имя рек), в левую титьку, легкие и печень, чтоб она горевала и тосковала денно и нощно…» (там же, с. 18–19). Образ мирового центра, где находятся кузнецы, – не единственная архаичная деталь в данном заговоре: в своей статье В. Гиппиус отметила разительную аналогию булатной стрелы, выковываемой кузнецами, с

вызывающими любовь стрелами Эроса в греческой мифологии. О достаточно древних истоках связи кузнеца с любовью и браком говорит и тот факт, что хромой Гефест, самый некрасивый из богов, является, несмотря на это, супругом богини любви Афродиты. Как бы напоминая нам об эпохе возникновения кузнечного дела, в одном любовном заговоре нам встречается упоминание меди – первого металла, освоенного человечеством. Главная роль в нем отведена трем ветрам, которых просят: «Распалите и присушите медным припоем рабу (имярек) ко мне, рабу Божию. Сведите ее со мною – душа с душею, тело с телом, плоть с плотию…» (там же, с. 7). Хотя бог-кузнец там не фигурирует, следы исходного образа проглядывают в «медном припое», который указывает на весьма раннюю эпоху сложения основы данного заговора. В этой связи стоит вспомнить исследование Б.Н. Миронова, изучавшего статистическими методами тексты заговоров и пришедшего к выводу, что наибольшее количество элементов язычества сохранилось в текстах о любви (75,8 % языческой атрибутики против 18,2 % христианской и 6 % смешанной атрибутики) и браке (соответственно 56,2 % языческой, 31,3 % христианской и 12,5 % смешанной атрибутики). Анализируя на материалах заговоров религиозные воззрения русских крестьян XIX в., он сделал однозначный вывод: «Наличие христианской атрибутики в заговорах может свидетельствовать о чисто внешнем, поверхностном освоении крестьянами христианства, о сохранении ими в основном языческого мировоззрения» (Миронов Б.Н. История в цифрах, Л., 1991, с. 20).

Исследователи восточнославянского фольклора уже неоднократно обращали внимание на русскую святочную подблюдную песню о кузнеце, встреча с которым предвещала богатство и свадьбу:

Идет кузнец из кузницы, слава!
Несет кузнец три молота.
«Кузнец, кузнец! Ты скуй мне венец,
Ты скуй мне венец и золот и нов,
Из остаточков золот перстень,
Из обрезочков булавочку,
Мне в том венце венчатися,
Мне тем перстнем обручатися,
Мне тою булавкою притыкать.

(Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий.
1. Рождественские обряды // ЧОИДР,
1865, кн. 2, апрель – июнь, с. 13)

В украинском фольклоре мы встречаем весьма распространенную девичью колядку о том, как девушка собирает с дерева золотую ряску (вариант: росу или кору) и относит ее к мастеру-золотарю, чтобы он сделал из этой ряски предметы к свадьбе:

…Ти, злотничку-ремісничку,
Іскуй мені злотий пояс,
Із окраечок – перстеньочок,
А із вітейка – то віночок.
В пояси красоваться,
В перстеньку залицяться,
А в віночку ізвінчаться.

(Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века, М., 1979, с. 48)

Генетически родственный сюжет о «вепре, который вырыл золотое зерно», из которого девушка просит кузнеца сковать ей кубок на свадьбу, мы видим среди польских свадебных песен. На основе народных колядок Т. Ленартович написал стихотворение «Золотой кубок», в котором сиротка собирает золотые яблоки и просит мастера сделать из них золотой кубок с изображением ее умершей матери, причем особо отмечается, что из этого кубка будут пить «сам пан Езус и ангелы». Образ кубка иногда встречается в украинских колядках, где девушка просит мастера сделать ей «три угодья» (венок, кубок и перстень), а в моравском фольклоре этот кубок делается из золотых рогов лани. Подобная распространенность сюжета свидетельствует о его праславянском происхождении и полностью согласуется с обрисованным в предыдущей главе вселенским пиром, на котором вместе с людьми пьют ритуальный напиток боги и умершие предки. Следы этого пира, приуроченного к свадьбе, мы и видим в польском фольклоре, где на священном кубке изображена умершая мать невесты, а пьет из него бог, замененный под влиянием новой религии Иисусом Христом. Если в том, что первоначально вместо золотого кубка использовался ритуальный рог, с которым и изображались славянские языческие божества, нас убеждают моравские колядки, то в том, что первоначально вместо главного персонажа христианской религии в этих обрядовых текстах фигурировал именно бог-кузнец, свидетельствует песня из Бельского района Смоленщины:

Ты, святый Боже Кузьма-Демьян,
Приходи на свадьбу к нам
Со твоими апостолами.

(Гиппиус В. Коваль Кузьма-Демьян в фольклоре // Етнографічний вісник, кн. 8, К., 1929, с.10).

Пережитки язычества в этом свадебном тексте были настолько сильны, что единственным достижением новой религии стала замена имени языческого бога Сварога на христианского святого, который, несмотря ни на что, здесь прямо именуется богом – вещь явно кощунственная с точки зрения официального православия. Более того: в качестве главы апостолов Кузьма-Демьян здесь явно занимает место Иисуса Христа, что являлось еще большим святотатством. Весьма похожа на нее в этом отношении и аналогичная песня из Великолукского уезда Псковской губернии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.